

СЕЛФИ

Селфи (англ. *selfie*) — разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении себя на фотокамеру. Поскольку чаще всего селфи выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию — под углом, чуть выше или ниже головы.

В жизни каждого человека бывают минуты, когда для него как будто рушится мир. Это называется отчаянием. Душа в этот час полна падающих звезд.

Виктор Гюго. Человек, который смеется

— Что имеете предъявить?

— Крылья.

— Ношенные?

— Конечно.

— Тогда всё в порядке. Проходите.

Ивлин Во. Мерзкая плоть

«КОСТИ»

— Нет-нет-нет. Я туда не пойду. Не хочу. Не могу. Мне неудобно, мне не нравится то, что там происходит. В конце концов, у меня просто больше нет сил...

— Послушайте. Это всего на полчаса. Полчаса — и вы свободны. — Последнюю фразу Жанна говорит по слогам, тоном, которым уговаривают маленьких детей перед кабинетом стоматолога, или взрослых, перед тем как сдать их на руки наркологу. Кому как больше нравится.

— Ага, полчаса, а потом еще фотосессия с победителями этого, , как его...
— щелкаю пальцами, — ...идиотского...

— Конкурса! — радостно и несколько истерично подсказывает Жанна.

— Твоя избыточная энергетика меня пугает. Это что-то гормональное? — Тянусь за сигаретами.

— Людмила Алексеевна не курит, — намекает на владелицу кабинета директора книжного, отделившаяся от стены женщина, похожая на полиэтиленовый пакет для строительного мусора. Что-то бесформенное, бессодержательное, и оттого таящее скрытую угрозу.

— Правильно делает, — сзакуриваю я, — дольше проживет. Наверное...

Краем глаза вижу, как Жанна молитвенно складывает руки на груди и томно смотрит на «полиэтиленовую». Та хмыкает и выходит за дверь.

— Я не могу по сто двадцать восьмому разу отвечать на одни и те же вопросы: «О чем ваша новая книга?» и «Чьи в герое воплотились черты?». Я уж молчу о том, что перед интервью можно было бы и прочесть книгу автора — так. Хотя бы в гугле порылись, суки! Посмотрели бы, что я отвечал на предыдущих встречах, чтобы идиотами не выглядеть!

— Но вы же понимаете, журналист всегда надеется, что именно ему вы ответите что-то особенное. Что-то такое, из-за чего потом его интервью на цитаты растащат.

— Что например? — Беру со стола список вопросов. — Что можно ответить на эту бессмыслицу: «Чем продиктовано наличие монологов такой длины»? И главное, язык какой конторский, ты посмотри! Такое впечатление, что он не вопросы задает а отчет в ментовку пишет!

— Да, согласна, формулировочки еще те!

— И что ему ответить, чтобы, как ты говоришь, «на цитаты растащили»? «Пошел ты в жопу, придурок»? Или «Твоя мать до сих пор жалеет, что встретила твоего отца»? Что я могу сказать о «длинных монологах» людям, большинство которых даже сто сорок знаков в твиттере считают за «много букоф»?

— Я сама им все расскажу. — Жанна ловко сворачивает кулек из листа с вопросами и протягивает мне эту импровизированную пепельницу. — Вы только подпишите книги, и все.

— Сама? — Я заглядываю внутрь кулька и читаю вслух: — «В чем состоит задача вашей новой книги?» Нет, это реально текст из ментовки. И что ты на это

сама ответишь? Что задача каждой моей новой книги — поиздеваться над читателем сильнее, чем в предыдущей? Рассказать ему, что год проходит за годом, а он, читатель, все такое же примитивное говно? Что я — еще большее говно, чем он, и вся разница между нами в том, что я поливаю его помоями бесплатно, а он мне за это платит, покупая мои книги, и по телевизору меня смотрит? Это ты им расскажешь? Ненавижу! Всех ненавижу! — На лбу выступают капли пота. Кажется, сейчас все примет вид банальной истерики

— Но это же не так. Они вас любят. И вы их... — Она смотрит на меня своими фарфоровыми немигающими глазами, и, кажется, сейчас расплечется. Или убедительно играет в «сейчас расплачусь»? Хотя, слишком она еще молода для такой убедительности.

— Любят они меня! Фигушки!. Меня даже мой кот не любит.

— Мы уже задержались на пятнадцать минут. — В дверь просовывается голова полиэтиленовой. — Там полный зал, все ждут.

— Ладно. — Я тушу сигарету в стакане воды. — За это, Жанна Викторовна, ты избавишь меня от интервью с редактором «Новинок рынка». Ты же о нем предательски умолчала?

— Но издательство настаивает на поддержке литературной прессы! Я эту встречу полгода готовила, — откровенно канючит Жанна.

— Какая поддержка?! «Писатель рассказал о своих любимых местах для летнего отдыха» и «писатель признался, почему не заводит собаку»? Эти заметки, безусловно, носят литературный характер. Или ты думаешь, будут другие? Надергай ему цитат из фейсбука, заголовки он сам придумает...

Какие — уже было замечено выше, — примирительно улыбаюсь я, подмигиваю и отворачиваюсь к зеркалу.

Через несколько минут я должен начать встречу с прессой, предпоследнюю, в рамках промо-тура моей новой книги «Кости», или «Touring the Bones», как я ее сам называю во время общения с журналистами. Называю из тщеславия, точнее, из дешевой попытки походить на интернациональную звезду (привет любимым *Depeche Mode* и *Touring the Angels*).

Справедливости ради стоит отметить, что промо-тур в самом деле имеет мелкую претензию на то, чтобы быть «интернациональным». Книгу купили немцы,

и все началось в Берлине, с чтений перед аудиторией в сорок человек (тридцать ностальгирующих эмигрантов, три представителя немецкого издателя, и семь собственно немецких читателей, помятых интеллектуалов, видимо, до сих пор живущих в парадигме рухнувшей стены и «модности» литературы из «советского» блока).

Сегодняшний диалог происходит в примерке, наскоро сооруженной в кабинете директора книжного магазина. Час назад я прилетел из Питера, где провел последние три дня в надежде отдохнуть, с выключенным телефоном и выключенным сознанием. На мне графитовый костюм, остатки бессонницы, черная футболка с оранжевой надписью «Social Artist» и черные же круги под глазами, которые вот уже пять минут безуспешно пытается замазать несчастная примерша. Она как синица подныривает мне под руки, стараясь не мешать, пока я одновременно курю, пью воду, говорю, листаю ленту новостей в телефоне. В общем, мешаю ей работать.

В общем, я мешаю работать всем, кто меня окружает. Так было в Казани, Ростове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кельне, Берлине, Франкфурте, Лейпциге. (Нет, в Лейпциге не было. Там я просто нажрался, заперся в номере и провалил чтения.)

Больше всех досталось представительнице издательства Жанне. Несмотря на то, что мы работаем с ней второй год, это был ее первый читательский тур со мной. Незаметная, типичная офисная мышь, увлеченная только своей работой. Исполнительная до тошноты. Всегда и везде читающая. Книги, рукописи, журнальные статьи. Все, что содержит буквы.

Конечно же, она представляла это себе совсем иначе. Близкое знакомство с автором, его друзьями — людьми из богемной тусовки: журналистами, критиками, дизайнерами, художниками, заграничными писателями. Веселые посиделки, в середине тура долгие ужины. Разговоры о литературе, смысле жизни, состоянии общества, любви, наконец. Возможно, прогулки по ночным немецким городам, в одной из которых он рассказывает тебе замысле своей новой книги.

В реальности все было несколько иначе. Друзьями писателя, теми самыми «людьми из богемной тусовки», оказались мрази со спитыми лицами, прокуренными пальцами и ничего не выражающими глазами. Почти всегда

одинаково выглядящие. Они появлялись в каждом городе, одетые в стертые джинсы и сношенные кеды. В не снимаемых даже ночью солнцезащитных очках или капюшонах черных «худы», скрывающих непромытые волосы. Появлялись всегда в одно и то же время — за десять минут до конца автограф-сессий — и сидели в зале, осматриваясь по сторонам, как уголовники. Обычно с собой они приводили девиц, одетых как откровенно дешевые проститутки (а писатель слыл человеком эстетских привычек в одежде, напитках и женщинах). Девушки срывались курить на улицу через пару минут после появления в зале.

Завидев друзей, писатель начинал ерзать на стуле, ускорял речь и раздачу автографов и после окончания мероприятия спешил к ним. Встреча всегда проходила странным образом,, без объятий или рукопожатий, свойственных людям, которые друг друга давно не видели, без разговоров или перекуров на улице — они приветствовали друг друга кивком головы и уходили в ночь.

«Веселые посиделки» были всего один раз. Утром, в холле гостиницы, Жанна оказалась в обществе писателя и его друзей за завтраком, в течение которого компанией из пяти человек в темных очках не было сказано ни одного слова, кроме «привет». Эти пятеро литрами пили воду и апельсиновый сок и изредка глупо хихикали, показывая друг другу картинки на экранах айфонов.

В Кельне представитель немецкого издательства заметил Жанне, что у писателя *die seltsamen freunde*^{*}, которые выглядят, как *drogensuchtige*^{**}. Вероятно потому, что они и есть самые что ни на есть конченные *drogensuchtige*.

Впрочем, это были единственные совместные посиделки. Всю оставшуюся немецкую часть тура писатель в гостиницах не ночевал. Несчастной Жанне приходилось каждое утро часами вызванивать меня, и когда я наконец продираю глаза и блею в трубку «алё», по неясным ориентирам вычислять мое местоположение.

Как правило, им оказывались сквоты или недостроенные лофты в фабричных районах города, куда вчерашняя студентка отправлялась с костюмом,

---

* странные друзья (нем.).

** торчки (нем.).

свежей рубашкой в руках и пачкой Алкозельтцера с витамином С в сумке. Дверь Жанне открывали одинаково выглядевшие девицы, и она блуждала по коридорам и комнатам, брезгливо перешагивая через распростертые на полу тела, перевернутые пепельницы и пустые бутылки, пока не находила меня на полу кухни с косяком в зубах или поглощающим из картонки лапшу быстрого приготовления и хохочущим над немецким телешоу (я по-немецки не говорю).

Под угрозой срыва оказывалось все и всегда. Во Франкфурте я опоздал на утреннюю встречу с прессой на сорок минут, что для Германии является следующим по тяжести преступлением против человечества, после убийства. В Берлине, напившись еще за обедом, я в компании друзей ввязался в драку и попал в полицию. Драка началась после моих выкрикиваний «шовинистического содержания» в адрес торгующего шавермой турка (по версии полиции). Или в ходе религиозно-цивилизационного диспута (по моей версии). Неловкость улаживалась часа четыре, что позволило мне выспаться перед вечерними чтениями, но и после них я отличился.

Попытавшись склеить на пресс-конференции немецкую журналистку, я вступил в философскую (как мне казалось) дискуссию о нацизме, творчестве Альберта Шпеера и проблемах захлестнувшей Европу иммиграции, был обвинен в национализме и устроил скандал с криками: «Цензура! Цензура! Мы в свободной стране, а вы затыкаете мне рот!»

В Кельне, на встрече с журналистами, я согласился с доводами Жанны и сделал вид, что плохо говорю по-английски, предоставив ей возможность «переводить с русского», тогда как сам молчал не связанную с делом чушь, пока она отвечала на вопросы текстами из моих предыдущих интервью.

Вечером проходивший в те дни в Кельне литературный фестиваль подарил мне аж двести зрителей, набившихся в старый кинотеатр. Лучи софитов, стоявшие в проходах люди и графин спонсорского виски вкупе с дичайшими отходняками вернули мне ощущение собственной значимости до такой степени, что, отвечая на вопрос о том, каким на самом деле мне видится финал (герой стоит на мосту, оставляя читателю поле для фантазии: бросится он вниз или уйдет обратно, в материальный мир полногрудых женщин и мужчин в возрасте IPO), я выдержал многозначительную паузу, отыскивая в памяти значения образа моста в конфуцианстве, схоластике и буддизме, не нашел ни одного подходящего, окончательно затупил и проямлил: «I gave him a chance...» — что впоследствии

было растиражировано немецкой околосредственой прессой как прямое наследие Достоевского, или Набокова, или хрен пойми кого. Вечер закончился в компании привычных *seltsamen freunde* и двух хохлушек-иммигранток, которые (предположительно) украли у меня кошелек и мобильный телефон (в версии друзей кошелек был отдан дилеру, сопровождается цитатой из Гёте, а телефон... скажем, утерян). В общем, все прошло исключительно удачно.

В Лейпциге я дал Жанне честное слово, что не выйду на улицу до мероприятия и не воспользуюсь мини-баром (предварительно опечатан!) или рум-сервисом (оповещен) и, надо сказать, сдержал его. Жанна весь день просидела в холле и сопровождала каждого подозрительного гостя до дверей его номера.

«Польский литературный агент» в безукоризненном костюме и красном галстуке подозрений у Жанны не вызвал, и она милостиво согласилась пообедать с нами на первом этаже отеля. Стоит ли говорить, что чужая наивность и добросердечие — самые легкие для употребления плоды, и пока Жанна находилась в туалете, мне были переданы вещества и алкоголь. Чтения в Лейпциге, как сказано выше, не состоялись.

На обратном пути, в поезде «Лейпциг — Берлин», после того как я час сорок вдумчиво протирал клавиши ноутбука салфеткой, Жанна наконец заговорила со мной, заметив, что в таком виде ехать в Россию «просто неприлично», и что стоит задержаться в Берлине на сутки, чтобы провести время в СПА (выводящая токсины маска, хамам, водные процедуры). «Хотя, конечно, мое дело предложить. Решайте сами».

Слово «неприлично» могло бы стать отличным заголовком к статье об этом читательском туре. Откровенно говоря, я и сам чувствовал себя порядочной свиньей по отношению к Жанне, и, чтобы хоть как-то загладить свою вину, решил сделать ей небольшой презент в виде сумки.

Мы приехали в Берлин, когда все магазины уже закрылись, поэтому, побродив по городу, я купил ей цветов, и почему-то... сэндвич. Следующим утром ехать за сумкой меня заломало, и я отделался приглашением на ужин, за которым мы мило поболтали, и на лице Жанны читалась радость завтрашнего перелета в Россию, что давало ей надежду на окончание моих беспорядочных гулянок (угроза попасть в желтую прессу, отсутствие либерализации марихуаны).

Надежды умирают так же легко, как и рождаются. Смерть этой была скоропостижной. Можно сказать, ребенок умер при родах. В России все оказалось гораздо хуже, как в песне «мой сосед не пьет и не курит, лучше бы пил и курил». Мое немецкое разухабистое веселье и глуповатая, но добродушная рассеянность исчезли.

Первой женщиной, которую я встретил в московском аэропорту, была депрессия.

Я превратился в мерзкого, раздражающегося по каждому незначительному поводу типа. Мне до смерти надоели интервью, пресс-обеда, студии региональных кабельных каналов, однообразные вопросы читателей, бессмысленные журналисты, поезда, самолеты, местные достопримечательности. Я сам себе смертельно надоел. Чаще всего от меня можно было услышать фразы вроде «я устал», «мне все равно», «у меня нет сил» и «скажи им что-нибудь сама».

Тур любви (в российской его части в самом деле были какие-то невероятные аншлаги) плавно превратился в тур ненависти, тур усталости, тур бесконечных, бессодержательных самоповторов. И аналогия с котом казалась теперь весьма удачной. Если он урчит и делает вид, что любит меня за то, что я кормлю его «Вискасом», то все окружающие в этом турне делали вид, что любят меня за то, что я кормлю их байками.

Вскоре я ощутил полную опустошенность. Я развлекаю их, я скрашиваю час их жизни. Многие приходят просто поглазеть на писателя, с пивом, чипсами и телками. Они жрут меня. Как в кино, только бесплатно. Я даже не знаю, с какой целью они берут автографы. Возможно, и скорее всего, у таких людей есть полка с подписанными книгами актеров, певцов, телеведущих, музыкантов. И моя книжка встанет на полку просто потому, что прикольно иметь книги с автографами «известных, типа, чуваков». Чтобы книги стояли, и чтобы... что?

— Что вы сейчас чувствуете? — задает вопрос девушка в левом ряду справа.

— Спать хочу, — отвечаю.

— Нет, я в другом смысле.

Полный зал журналистов, все в восторженном ожидании. Это слава? Видимо, ей очень хочется мне понравиться, перед тем как задать «неудобный» вопрос.

— Давайте назовем это так, если вы хотите

— Герои ваши — поголовно подонки, с той лишь разницей, что некоторые из них жалкие, а некоторые гнусные. Почему?

— Это делается в расчете угодить обеим читательским аудиториям: и гнусной, и жалкой. Для хороших людей и для девушек я пишу под псевдонимом.

— Ваши романы сплошь автобиографичны. Вам нормальные люди в жизни вообще встречались?

— До вашего появления нет. Вам, кстати, какие подонки больше нравятся?

— Мне вообще подонки не нравятся, — вспыхивает она и садится на свое место.

— Жаль. — Беру стакан, делаю глоток воды.

— Не устали от тура? — Юноша в первом ряду.

— Что вы! — Чуть не захлебываюсь водой. — Каждый новый город — это новая встреча с читателями, новая энергетика. Она питает меня.

— Вы любите своего читателя?

— Конечно. Иначе зачем писать? Любовь созидательна, тогда как ненависть непродуктивна.

— А журналистов? С удовольствием даете интервью?

— Безусловно. Ваши интервью заставляют постоянно держать мозг в тонусе. — Смотрю на Жанну, та сидит довольная, изображает аплодисменты.

— О чем ваша новая книга? — интересуется похожая на библиотекаршу женщина с последнего ряда.

— Наконец-то, — выдыхаю, — а у кого тот же вопрос? Есть еще вопросы про мои черты, воплотившиеся в героях, и про творческие планы?

С десяток человек поднимают руки, вызывая зубовой скрежет. Встреча медленно, но верно переваливает экватор моего терпения.

— Спасибо, — говорю, — на эти вопросы я уже отвечал в Казани, Питере и, по-моему, в Ростове. Что-то еще?

— Почему у вас нет собаки? Не хотите какую-нибудь болонку завести? Это сейчас так модно! — Жизнерадостная тетка в берете.

— Мне не везет с суками, — цежу сквозь зубы.

Боковым зрением отмечаю суету в зале. Какой-то журналист опоздал и теперь пытается переместиться с «галерки» в первые ряды. Он, словно краб, бочком-бочком движется между стоящими в проходе людьми, разгребая их угловатыми плавательными движениями клешневидных рук, пару раз вызывает недовольные шиканья, протискивается между сиденьями третьего ряда, потом второго, и наконец замирает. Видит лежащую на крайнем стуле первого ряда дамскую сумку, устремляется туда, садится, берет сумку в руки.

Заросший бородой до кончика носа, весь какой-то взъерошенный и абсолютно несуразный с этой дамской сумкой на коленях. Сперва вертит по сторонам головой, будто в страхе, что кто-нибудь вот-вот прогонит. Потом, видимо успокоившись, утыкается взглядом в меня. Замерев, изучает, сквозь очки с невероятно толстыми стеклами, периодически поправляя свободной клешней прическу. Натурально — волосатый краб.

— Для вас человек по сути своей зол или добр? — продолжает тетка в берете.

— Для меня человек по сути своей фальшив. Про него нельзя сказать, зол он или добр. Болонка из вашего предыдущего вопроса хотя бы искренняя.

— А что по поводу критики? Переживаете, читаете рецензии на свои книги? — Известный в узких кругах литературный критик. Писал рецензии, кажется, еще на Шолохова.

— Критики? — Я растерянно оглядываюсь. — Я не перестал ее читать. Видимо, рецензии стали реже выходить. Вы вот давно не радовали. — Посылаю ему улыбку класса «земля-воздух». Цели не поражает, но эффект оглушительный.

— Вам нравится то, чем вы занимаетесь на телевидении? Нет усталости от повторяющихся тем в передачах? Ощущения, что все уже сказано? — оживает «краб».

— Нет, — хладнокровно вру, — я обожаю свою работу. И поверьте, есть еще много тем, о которых я хотел бы написать. Главная проблема — нехватка времени.

— А творчество Камю вам нравится?

— Безумно! — Опять вру.

— Как вы думаете, зачем вам все это дано?

— Кем дано? Что дано? — Кажется, в нем есть что-то неуловимо знакомое. Голос?

— Умение писать книги, делать телепрограммы, влиять на умы. Дано Богом... или судьбой. Как вам больше нравится. — «Краб» жестикулирует, помогая себе сформулировать точнее.

— Ммм... сложно сказать. — Где-то я видел эту постановку руки, или эту часть лица между очками и бородой. Хотя, однажды увидев человека в такой натуральной «балаклаве», я бы точно его не забыл.

— А вы попробуйте, — говорит он с легким нажимом.

— Возможно, где-то находилось несколько гектаров больного леса, который человечеству нужно было переработать в бумагу. Может быть, в этом был замысел судьбы? А что касается телепрограмм, это скорее вопросы не к судьбе, а к продюсерам. Спасибо.

Зал разражается дружным хохотом.

— Хорошая шутка, — крикает он. — А если серьезно ответить?

— Я вполне серьезен. — «Краб» начинает меня раздражать. — Вы какого ответа ждете? Про место писателя в истории, про разговор с поколением? Извините, я пока еще вполне здоров психически, чтобы рассуждать такими категориями.

— Есть ли у вас ощущение ответственность за те идеи, которые вы транслируете своей аудитории? — «Краб» снимает очки, и я успеваю разглядеть его глаза. Маленькие немигающие глаза хищной рыбы.

— Есть конечно Задача каждой новой книги — показать читателю, каким дерьмом он может стать, если пойдет по пути моих героев.

— Я не про книги, а про вас. Про идеи, которые вы транслируете самим фактом вашего существования. Ради чего все это? — «Краб» морщится, будто лимон сожрал.

— Вы не сектант случайно? — наигранно улыбаюсь я, а самому настолько неуютно, что приходится глазами искать помощи у Жанны. Зал, до того момента смеявшийся, затихает. — Может, лучше перейдем обратно, в категорию вопросов про кошечек и собак, а то аудитория заснет.

— Представьте, что завтра вы больше не писатель и не телеведущий. Смогли бы вы снова жить жизнью простого человека?

— В общем, я так и живу, — мямлю в ответ.

Атмосфера вокруг наливаются тяжестью. Наверное, так себя чувствуют актеры юмористического жанра, когда после пары-тройки удачных шуток произносят абсолютно пустую репризу, и вот уже доселе рукоплескавший зал готов их освистать и закидать гнилыми овощами.

— Последний вопрос, — не унимается «краб», но тут на помощь приходит Жанна, громко командующая:

— Мужчина в третьем ряду, ваш вопрос, пожалуйста!

— Я? — Человек будто вырывается из сна. — Скажите, Владимир, каковы ваши творческие планы?

Зал снова смеется. Как будто становится легче дышать. Отвечаю даже на самые глупые вопросы: вроде того, кем хотел стать в детстве, какие книги советую прочесть, за какую команду болею, и прочую штампованную чушь. Все это время борюсь с желанием посмотреть на «краба», а сдавшись, обнаруживаю его стул пустым. Нет его и среди журналистов, подошедших подписать книгу. «Краб» исчез, будто и не было.

— Уф! — Откидываюсь на спинку кресла, закуриваю. — С ума можно сойти. Откуда-то возьмется один такой мудака, и настроение на весь день испорчено.

— Да уж, — соглашается Жанна.

— Не вполне здоровый чувак, ты не находишь? Я думаю, так маньяки выглядят. Может, охрану завести? А что? Стоит, небось, сейчас у выхода, и ждет, с ножом или бритвой.

— Хотите, я попрошу охрану проводить вас до машины? — Жанна очень комично пьет кофе: маленькими глоточками, как кошка из японского мультфильма.

— Брось ты! — отмахиваюсь. — Отобьюсь как-нибудь. У нас когда следующие чтения?

— В среду. И еще пресс-конференция в четверг.

— Два дня еще. — Выпускаю дым в потолок. — Это же последняя, да?

— Последняя.

— Слава богу. Ну что? Докуриваю и едем?

— А вы со мной больше ни о чем не хотите поговорить?

— А я о чем-то с тобой должен поговорить? — Настораживаюсь.

— Во-первых, спасибо за цветы. — Она ставит чашку на стол. Ее фарфоровые глаза наливаются голубым.

— Жанна! — Прищуриваюсь. — Ты меня пугаешь.

— Вы стесняетесь этого поступка, что ли? — Она проникновенно смотрит на меня. — Это же так здорово: прислать девушке цветы.

— Чего я стесняюсь-то, Жан? — Миротлюбиво улыбаюсь. — Ты точно меня с кем-то путаешь. Не хочу тебя расстраивать, но цветы я тебе не присылал.

— В тебе будто два человека живут. Один — романтик, второй — конченный циник. Впрочем, в обоих есть что-то притягательное. — Она все так же смотрит на меня, задумчиво накручивая прядь волос на указательный палец.

— Ты как-то очень резко сокращаешь дистанцию. Мы давно на «ты»? — Я хватаю со стола бутылку воды, делаю судорожный глоток.

— Ночи три уже, или четыре, или... — Жанна умолкает. Будто ждет, когда я сделаю какое-то важное признание.

— Что-о-о?! — Я выплевываю остатки воды прямо на нее. — Ночи?! Ты с ума сошла!

— Видимо, это ты с ума сошел. — Жанна краснеет, сжимает ручку кофейной чашки так, что белеют костяшки пальцев. — Зачем ты эти идиотские

игры устраиваешь? Ты книгу новую пишешь, и тебе героиня нужна, или ты спиваешься и скуриваешься такими темпами, что память отшибает?

— Жанна, у тебя все в порядке? — Я начинаю нехило так волноваться.

— Ты сейчас серьезно говоришь, или просто прикалываешься? Тебе так легче начать, да? — Жанна вся будто сжимается в комок.

— Может, тебе сейчас выпить воды, успокоиться и рассказать, что случилось?

— А может быть, тебе сейчас докурить и прекратить паясничать? Признаться наконец, и начать говорить со мной не как с секретаршей, а... А как ты обычно говоришь? — Она улыбается, но видно, что держится из последних сил.

— Признаться?! В чем, Жанночка? У тебя какая-то проблема? Или просто стресс? — Придвигаю к ней бутылку воды.

— Проблема? У меня? — Она отталкивает бутылку. — Ты звонишь мне по скайпу третью ночь, пьяный вусмерть. Рассказываешь про свои душевные метания, про одиночество. Говоришь, что я единственная, кто тебя понимает. Кто не требует ничего взамен, кто... — Жанна начинает хлюпать носом, отчего тот моментально краснеет, а глаза намокают. — Потом пропадаешь, потом присылаешь цветы. А теперь, оказывается, у меня просто стресс...

— По скайпу?! Звоню?! Тебе?! — Она либо не в себе, либо разводит меня. Понять бы, с какой целью.

— По скайпу, Володя. Третью ночь, ровно в два часа, как будильник. — Она выкидывает вперед средний и указательный пальцы, обозначая время звонка. — Я б тебе эти истории показала, жаль, компьютер не взяла. Не готова была к такому спектаклю.

— Жанна, я тебе не звонил! Я... я даже не знаю номера твоего скайпа. Это какая-то ошибка.

Она точно больна. Я стараюсь говорить как можно более спокойно, ведь любые аргументы в таком состоянии не проходят, «критика отсутствует», как говорят психиатры. Главное — чтобы она в состоянии аффекта не залудила мне в голову чем-нибудь тяжелым.

— Ошибка — это ты. И еще подонок, конечно. Просто дешевая тварь!

Она хватается сумочку и вскакивает из-за стола. Опрокидывает кофейную чашку и бутылку, и я смотрю, как та, словно в замедленной съемке, катится по столу, на секунду задерживается у края, потом срывается вниз и разлетается вдребезги.

Жанна выбегает из бара, оставляя меня наедине с услышанным бредом, бутылочными осколками и залитым кофе столом. Из динамиков звучит Эми Уайнхауз:

You say why did you do it with him today?

And sniff me out like I was tanqueray...

— Что-то еще закажете? — спрашивает материализовавшаяся из пустоты официантка.

— Пожалуй, нет, — тихо отвечаю я.

ТАКСИ БЛЮЗ

«Я уеду жить в Лондон», — напоминает о себе Григорий Лепс в тот момент, когда я плюхаюсь на заднее сиденье такси.

— Музыку оставить? — не оборачиваясь, без особой надежды на положительный ответ, интересуется таксист.

— Конечно, — киваю я и закупориваюсь от внешнего мира пуговицами наушников.

Уже довольно давно я перестал просить таксистов переключать их любимое радио «Вальс-Бостон» или «Шансон», или как оно там называется. С избыточно надрывными голосами, горюющими о рано ушедших братанах, с псевдо-доверительной хрипотцой шепота, сообщающего, что «все для тебя», или визгливыми пэтэушницами, которые хотят от всей нашей необъятной страны сына и дочку, и еще точку.